

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

О. Л. Дубовик*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО- ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ С ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы возникновения новых угроз мировому и национальному правопорядкам, связанных с потенциальной опасностью совершения актов экологического терроризма и эскалацией давно известных актов экологического экстремизма. Представлены позиции, отраженные в международном и национальном (российском) праве и доктрине, о понятиях терроризма, террористического акта, террористической деятельности с учетом их проявлений по отношению к специально охраняемому благу — окружающей среде как основе (базису). Охарактеризована специфика актов терроризма, связанных с окружающей средой и воздействием на принятие экологически значимых политических и правовых решений. Рассматриваются позиции российской и польской правовых доктрин в отношении опасности и квалификации противоправных действий.

Ключевые слова: закон, конвенция, конфликт, насилие, окружающая среда, преступление, терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, угроза, экология, экстремизм.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.075-090

Постановка проблемы. Борьба с терроризмом и экстремизмом в наши дни стала, наряду с предотвращением и прекращением военных конфликтов, главной задачей мирового сообщества в целом, отдельных государств и их объединений, правоохранительных органов, общественных организаций. Как никакая другая, эта задача объединяет усилия политиков, социологов, правозащитников. В XXI в. человечество неожиданно столкнулось с угрозой терроризма в невиданных ранее масштабах. В террористических актах задействованы не только конкретные исполнители и их пособни-

ки, но и крупные социальные группы, характеризующиеся этническими, религиозными, политическими признаками, преследующие цели различного уровня — от глобальных (создание халифата и уничтожение христианского мира, представителей разных ветвей ислама (сунниты, шииты)) до «точечных», когда террористические действия совершаются в отношении конкретных людей или организаций, и даже до действий государства, приобретающего клеймо «террористическое». Угроза терроризма нарастает: не проходит и дня, чтобы в СМИ и Интернете не сообщалось о террористических

© Дубовик О. Л., 2018

* Дубовик Ольга Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук
ecolaw@igpran.ru
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

акциях в Афганистане, Ираке, Сирии, Турции, в городах Западной Европы или в других странах. География терроризма расширяется. Субъектный состав затронутых терроризмом людей тоже. К нему причастны уже десятки, если не сотни тысяч людей: лица, непосредственно осуществляющие террористические акты; те, кто снабжает их оружием, взрывчаткой, документами, транспортом и т.п.; те, кто их вовлекает в эту деятельность, обучает и разрабатывает как стратегию, так и планы конкретных акций; те, кто финансирует масштабные и «мелкие» операции, с одной стороны, и те, кто противодействует терроризму, проводя оперативно-розыскные и профилактические мероприятия, расследуя преступления террористического характера, создавая правовую базу для борьбы с терроризмом и наказания преступников, с другой стороны. Наконец (и это, может быть, самое главное), растет число жертв терроризма: непосредственно пострадавших в результате террористических актов, погибших или получивших увечья, переживших тяжелейший шок, их родственников, более того — всех, у кого из-за возможности оказаться на месте преступления возникает чувство страха, неуверенности, недоверия к властям, полиции, органам безопасности, меняющее привычный образ жизни.

Терроризму, его истокам, причинам, целям и мотивам посвящена обширная литература¹. Анализируются методы и способы подготовки к совершению террористических актов, особенности личности террористов, их установки и пр. Рассматриваются содержание уголовно-правовых запретов в многочисленных комментариях к уголовным кодексам, проводятся научные конференции и совещания практиков — министров внутренних дел, работников различных служб и ведомств. Надо сказать, что все это дает определенные результаты: уяснена природа терроризма, его формы, мотивация, осознана его опасность и необходимость предотвращения, выработаны различные меры борьбы с ним (другое дело, насколько они эффективны). В то же время отдельные аспекты научного обеспечения борьбы с терроризмом остаются в тени. Это относится и к проблемам терроризма экологического². Тому есть причины. К счастью, пока террористические акты, направленные против окружающей среды как базиса жизнедеятельности человека, немногочисленны. Можно говорить о поджоге нефтяных скважин Кувейта, об объявленной Басаяевым цели рейда, завершившегося захватом заложников, но планируемого для уничтожения источников питьевого водоснабжения. Но можно и нужно ставить вопрос о том, не

¹ См., например: *Агапов П. В., Михайлов К. В.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. Саратов : Сарат. юр. ин-т МВД России, 2007 ; *Антоян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М, 2001 ; *Аслаханов А. А.* Эволюция мирового терроризма. М., 2003 ; *Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю.* Уголовное преследование терроризма. М. : Юрайт, 2008 ; *Гаврилин Ю. В., Смирнов Л. В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М. : ЮИ МВД России; Книжный мир, 2003 ; *Дикаев С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006 ; *Дубовик О. Л., Жалинский А. Э.* Криминологическая характеристика терроризма в России // The Third Session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era. Paper Collection. Beijing, China, 2011. P. 195—203 ; *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с элементами терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002 ; *Жалинский А. Э.* Криминологическая характеристика терроризма в России // Национальная безопасность. 2012. № 2. С. 22—29 ; *Он же.* Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. 2011. Сентябрь. С. 57—66 ; *Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой.* 3-е изд. М. : Норма, 2005. С. 595—627 ; *Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова.* 4-е изд. М. : Норма, 2010. С. 354—373 ; *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 129—216 ; *Основы противодействия терроризму : учеб. пособие / под ред. Я. Д. Вишнякова.* М. : Академия, 2006 ; *Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова.* М., 2000 ; *Устинов В. В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: Стандарты и практика. М., 2007.

² По проблемам экологического терроризма до сих пор опубликована лишь одна монография: *Тисленко Д. И.* Экологический терроризм. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с. Правда, вопросы ядерного, биологического/генетического терроризма освещались в литературе, но тоже очень мало. См.: *Аллисон Г. Т.* Ядерный терроризм: самая страшная, но предотвратимая катастро-

являются ли, например, акции фундаменталистов направленными на захват природных ресурсов как главной цели, а все остальные их действия — лишь средства и способы ее достижения. Иными словами, захват власти, устрашение, давление предназначены для завладения природными ресурсами и природными объектами, будь это нефте- и газодобывающие промыслы, месторождения других полезных ископаемых, водные объекты, земли.

Экологический терроризм — новая разновидность опасных посягательств на окружающую среду и общественную безопасность. Экологический терроризм является крайней формой выражения эколого-правового конфликта. Он может быть его завершающей стадией, как и любое преступление — завершающей стадией криминального конфликта, а может быть причиной его возникновения или эскалации. В. Н. Кудрявцев отмечал, что «во многих случаях преступление не только создает почву для конфликтов, но и само является следствием конфликтов и их заключительной стадией. Особенно явно подобная причинно-следственная взаимосвязь прослеживается на примере насильственных преступлений...». Далее он подчеркивал: «Криминальный конфликт, конечно, специфичен прежде всего своими результатами, или завершающей стадией, но это, впрочем, нередко характеризует особенности его возникновения и развития»³.

Экологический терроризм характеризуется как способ разрешения конфликта с помощью насилия. Понятно, что и многие другие криминальные конфликты разрешаются насильственным способом (убийства и пр.). В любом случае эколого-правовые конфликты, так или иначе связанные с терроризмом, одновременно являются и криминальными⁴ конфликтами.

Наконец, акт экологического терроризма может быть реакцией на иной по своей при-

роде конфликт, например экономический, религиозный, межнациональный, совершаемый по мотивам мести, из желания подорвать экономическое благополучие противника, то есть может выступать способом разрешения иного конфликта.

Экологический экстремизм и его значение как явления современной действительности. В отличие от экологического терроризма, экологический экстремизм имеет больше «заслуг». Это феномен, с которым приходится иметь дело уже на протяжении достаточно длительного времени (если ориентироваться на даты введения уголовной ответственности за экстремизм, на начало веганских движений, на факты совершения квалифицируемых таким образом деяний). История экологического экстремизма чрезвычайно интересна и познавательна. В ней наблюдаются спады и пики, но в других странах (не в России) это весьма значимое явление и сегодня. Акты экологического экстремизма широко известны. Это нападения на научно-исследовательские центры с целью освобождения подопытных животных, угрозы и акты насилия в отношении научных работников, организация и проведение демонстраций, митингов, пикетов, информирование в СМИ и Интернете, иные действия. Нередко они сопровождаются насилием и совмещены с незаконным проникновением в помещения, угрозами убийством и другими противоправными действиями, преследуемыми в соответствии с уголовным законом. Это на самом деле весьма своеобразный феномен экологической культуры, экологического сознания (и правосознания), экологического поведения многих индивидов и социальных — пусть даже небольших — групп, который разделил очень жестко позиции двух противоборствующих лагерей и четко очертил границу между адептами экологического экстремизма, его противниками

фа. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 296 с. ; *Бобылов Ю. А.* Генетическая бомба. Тайные сценарии наукоемкого биотерроризма. 2-е изд. М. : Белые Альвы, 2008. 384 с. ; *Корецкий Д. А.* Атомный поезд : в 2 т. М. : АСТ: Астрель, 2008 ; *Овчинский В. С.* Криминология и биотехнологии. М. : Норма, 2005. 192 с. ; Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Г. Арбатова. М. : РОССПЭН, 2008. 108 с. ; *Симонова А. Е.* Противодействие биотерроризму: международно-правовой аспект. М. : Либроком, 2010. 160 с.

Опубликован и ряд статей, посвященных анализу отдельных аспектов экологического терроризма.

³ Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Центр конфликтологических исследований РАН, 1995. С. 156—157.

⁴ В. Н. Кудрявцев, признавая не самым удачным обозначение этого вида юридических конфликтов, все же счел его более предпочтительным, чем понятие «уголовно-правовой конфликт», «конфликт в сфере уголовного права» и т.п.

и лицами, их поддерживающими по морально-этическим и прагматическим, но противоположным соображениям.

Экологический экстремизм, может быть, наиболее ярко и наглядно связан с эколого-правовыми конфликтами, а также с медико-правовыми и криминальными конфликтами (убийства и угрозы убийством в отношении врачей, делающих аборт, поджоги клиник, угрозы в адрес членов семей — даже детей и пр.). Даже антиатомное протестное движение не использовало таких крайних форм давления и личностного насилия⁵. Один из недавних примеров: в интервью журналу Spiegel бургомистр Тюбингена от партии зеленых Борис Пальмер (Boris Palmer) рассказал о своем противостоянии с радикальными защитниками животных в связи с тем, что Макс-Планк-Институт биокibernетики прекратил работы с приматами. На директора Института и сотрудников на протяжении ряда лет оказывалось мощное давление вплоть до угроз убийством членов семей, с пикетами у их домов, от чего страдали и соседи научных работников. Макс-Планк-Институт с помощью опытов над приматами проводил перспективные разработки по проекту о возможности лечения таких болезней, как болезнь Паркинсона и шизофрения. Эти исследования нельзя заменить опытами над мозгом насекомых или реагентами в пробирках. Б. Пальмер отметил также, что с радикальными группировками невозможно наладить диалог, т.к. они не слышат никаких аргументов инакомыслящих. Не все противники опытов над животными столь же радикальны, как Soko Tierschutz, но социальные медиа через Facebook быстро организуют экстремистские акции⁶.

Здесь все ясно: круг участников конфликта, их позиция, мотивация, цели, объект конфликта, напряженность противостояния, убежденность сторон — участников конфликта в своей правоте, жесткость методов и способов ведения «враждебных» действий, категорическая неприемлемость компромиссов, готовность

идти «до конца», чувство «священного» долга (сродни наиболее оголтелым религиозным фанатикам, осуществляющим террористические акты), правда, все-таки не достигающее, как правило, до крайних форм типа убийства научных сотрудников.

В России с проявлениями экологического экстремизма почти не сталкивались, но во многих (развитых) странах это повседневное явление. Может быть, оно свидетельствует о высоком уровне эколого-правового сознания, проявляющегося в крайних формах и позитивно оцениваемого частью общества (напомнить можно в связи с этим о Вере Засулич и реакции российской интеллигенции⁷).

Понятие и оценка терроризма и экологического экстремизма. Ряд интересных определений, данных террологами разных стран и времен, приводит В. В. Лунеев, например: У. Лакер трактует террор как нелегитимное насилие со стороны государства по отношению к обществу в целом либо к диссидентам и оппозиции, а терроризм как практику нелегитимного насилия, реализуемую противостоящими государству силами; В. Виктук и С. Эфиров полагают, что терроризм — это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты; Н. А. Морозов обосновал теорию справедливой избирательности террористического насилия. В итоге В. В. Лунеев приходит к выводу, что суть всех определений одна — устрашение власти и населения путем совершения жестокого насилия с целью подавления и устранения политических противников и конкурентов, навязывания им своей линии поведения⁸.

С определением понятия экологического экстремизма дело обстоит еще сложнее, т.к. до сих пор не выработана дефиниция экстремизма в целом, хотя приняты международные акты (Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.⁹, Федеральный закон от 25

⁵ Дубовик О. Л. Значение научных исследований в области атомной и квантовой физики для политики, культуры и общества // Политика и общество. 2013. № 3. С. 373—375.

⁶ Пальмер Б. Партия зеленых — камнем по голове // Spiegel. 2017. № 19 (6.05). S. 98.

⁷ См.: Ларин А. М. Процесс Веры Засулич // А. М. Ларин. Государственные преступления. Россия. XIX век (Взгляд через столетие). Тула : Автограф, 2000. С. 378—453.

⁸ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. С. 130—131.

⁹ См.: Борьба с международным терроризмом : сб. документов / сост. К. А. Бекашев, М. В. Авясов ; науч. ред. В. В. Устинов. М. : Проспект, 2005. С. 143—149 ; Князькина А. К., Чучаев А. И. Конвенциональные преступления в Уголовном кодексе РФ и в международных актах. М. : ПКЦ Альтекс, 2007. С. 186—188.

июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁰ с последующими изменениями и дополнениями, иные акты). Согласно ст. 1 Шанхайской конвенции экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участия в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон (ч. 1 п. 3). В упомянутом Федеральном законе понятие экстремистской деятельности (экстремизма) раскрывается путем перечисления различных составов преступлений с указанием признаков деяния (пропаганда, подрыв, призывы и т.д.), субъекта (общественные и религиозные объединения, иные организации и др.), стадий (подготовка, совершение и пр.).

В литературе сделано много попыток выработать дефиницию экстремизма¹¹, базирующихся на дихотомии этого понятия (идеология как приверженность к крайним взглядам и мерам и деятельность, деяние, поведение). Экстремизм — более широкое понятие, чем терроризм, экстремистская деятельность охватывает и деятельность террористического характера. Выделяют религиозный, политический и другие виды экстремизма¹². Об экологическом экстремизме говорят значительно реже. Так, ставится вопрос об отграничении экотерроризма от экологического активизма, то есть движения, выражающегося в радикальных акциях «зеленых» в защиту окружающей среды. В актах экологического активизма не

всегда, считает Д. И. Тисленко, присутствует признак насилия; фактор устрашения представлен в несвойственной для терроризма форме; он не отличается повышенной общественной опасностью и т.д., а поэтому применение термина «экологический терроризм» к акциям защитников окружающей среды искусственно и недопустимо¹³.

Таким образом, в обороте находятся три связанных понятия: «экологический экстремизм» (совокупность деяний, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», если в них присутствует экологический элемент), «экологический терроризм» как крайняя форма экстремизма, «экологический активизм», который не является противоправной деятельностью. Все эти понятия требуют уточнения.

Основные понятия. В литературе сформировалась господствующая позиция: экологический терроризм является типом (видом) терроризма, характеризующимся признаками насилия, устрашения, специальной целью, повышенной общественной опасностью, идеологией¹⁴. При этом отдельные признаки приобретают специфическую «экологическую» окраску. Д. И. Тисленко называет, во-первых, экологически опосредованный характер воздействия, состоящий в том, что непосредственному воздействию (или угрозе воздействия) подвергаются компоненты окружающей среды, что влечет причинение вреда другим охраняемым уголовным законом ценностям; что преступление совершается экологически опасным способом и для достижения цели причинения вреда наиболее уязвимым объектам (компонентам) окружающей среды. С учетом этого он предлагает определить как имеющие повышенную общественную опасность идеологию и практи-

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

¹¹ См., например: Устинов В. В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму // Государство и право. 2002. № 7. С. 30—45; Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: ТК Велби, Проспект, 2005; Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Саратов. юр. ин-т МВД России, 2007.

¹² См., например: Краснов М. Политический экстремизм — угроза государственности // Российская юстиция. 1999. № 4. С. 5; Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Ин-т прав. и сравнит. иссле-й, 2005.

¹³ См.: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 125—129.

¹⁴ См., например: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 113; Морозов В. И., Пушкарев В. Г. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // Уголовное право. 2007. № 2. С. 122; Оганесян Э. Понятие экологического терроризма // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности: материалы межвуз. конференции. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2004. С. 72—76.

ку насилия, устрашающего население и совершаемого путем загрязнения окружающей среды, в том числе в целях привлечения внимания к определенным взглядам либо в целях воздействия на принятие решения или совершение действия (бездействия) органами власти, органом местного самоуправления, международной организацией, юридическим лицом, социальной группой, физическим лицом¹⁵.

В. Морозов и В. Пушкарев считают, что «экологический терроризм» — это скорее не уголовно-правовое, а криминологическое понятие. В уголовно-правовом смысле целесообразно вести речь о террористическом акте, совершенном экологически опасным способом. Отнесение подвида террористического акта, совершенного таким способом, к его особо квалифицированным признакам, следует признать оправданным¹⁶. Таким образом, они предлагают использовать понятие «террористический акт, совершенный экологически опасным способом» вместо понятия «экологический терроризм» и ввести его в качестве квалифицирующего признака в ст. 205 УК РФ, исключив п. «а» ч. 3 данной статьи. Представляется, что такой подход чрезмерно сужает действие уголовно-правовых запретов, поскольку специальной целью может быть именно уничтожение, повреждение окружающей среды как условия жизнедеятельности, с одной стороны, а с другой — террористические акты, совершенные экологически опасным способом, составляют лишь часть экологического терроризма и могут преследовать иные цели.

Иной подход к понятию экологического терроризма выработан в других странах как реакция на противоправные акции движения «зеленых». Так, в США воспринято определение, содержащееся в докладах о безопасности, подготовленных ФБР: это «использование либо угроза использования насилия преступного характера против людей или собственности, ориентированные на окружающую среду, группой меньшинства по эколого-политическим поводам, либо ориентированные на обществен-

ность вне целей — обычно символического характера»¹⁷. Словарь экологии и охраны окружающей среды определяет экотерроризм как «противоправные радикальные методы оказания давления защитниками природы (экологами) на правительства и предпринимателей в целях достижения конкретных политических целей». Поводом для такой деятельности, считает Э. М. Гузик-Макарук, является прежде всего отсутствие диалога между сторонами конфликта. Она предлагает собственное определение экотерроризма. Это «осуществление преступных действий с применением насилия, причиняющих вред предприятиям, физическим лицам либо их группам (объединениям), потому что их деятельность вредна для окружающей среды, понимаемой как совокупность живых и неживых компонентов (элементов) природы, тесно между собой взаимосвязанных, окружающих живые организмы». К наиболее часто употребляемым экотеррористами методам она относит уничтожение оборудования, выпуск подопытных животных на свободу, взрыв лабораторий, подкладывание бомб руководителям биотехнологических концернов, рассылку писем с угрозами лицам, которые осуществляют научные исследования с использованием животных, и т.п.¹⁸

Эти определения значительно сужают понятие экологического терроризма, поскольку субъектами противоправных действий признаются только защитники природы, во-первых; а во-вторых, предполагается причинение вреда людям и собственности, но не природным объектам (элементам окружающей среды); в-третьих, отсутствует признак принуждения к принятию решения. Общим является признак насилия и угрозы его применения («радикальные методы»). Но такой подход может быть использован при построении классификации экотерроризма, а также для разработки мер предупреждения противоправного поведения, рассчитанных на специфическую группу субъектов — участников экологических организаций и движений. Различаются,

¹⁵ См.: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 120—122.

¹⁶ Морозов В., Пушкарев В. Указ. соч. С. 123.

¹⁷ Цитируется по: Гузик-Макарук Э. М. Выбор сценария противоправных действий экологическими организациями и их правовая квалификация в польском праве // Уголовное право и современность : сб. статей / под ред. А. Э. Жалинского. Вып. 4. Т. 2. М. : НИУ «Высшая школа экономики», Юрист, 2012. С. 70 (перевод с польск. О. Л. Дубовик).

¹⁸ Гузик-Макарук Э. М. Выбор сценария противоправных действий экологическими организациями ... С. 71—72.

безусловно, и показатели эколого-правовой конфликтности. Можно сказать, в чем-то они прямо противоположны: уничтожение компонентов окружающей среды в целях принуждения к принятию решения об осуществлении каких-либо действий и защита природных объектов или прав животных с целью принудить государство или иных субъектов права к прекращению определенной деятельности.

Здесь следует обратиться к позициям, высказанным в литературе по вопросу о понятиях терроризма, террористического акта, террористической деятельности, выработанных науками уголовного права и криминологии. Ю. М. Антонян указывает, что в политической, социологической и юридической литературе приводится до 100 определений терроризма, различающихся между собой, но сходных благодаря обязательному указанию на два основных признака: насилие и его необходимое следствие — устрашение. Он исходит из понимания терроризма как идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправного насильственного поведения. Террористическая деятельность означает организацию, планирование, подготовку, финансирование, реализацию террористического акта, подстрекательство к его совершению, организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной преступной группы для реализации террористического акта и участие в любой из этих структур; вербовку, вооружение, обучение, использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость такой деятельности. Наконец, террористический акт — это совер-

шение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы (выделено нами. — О. Д.) или иных особо тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях¹⁹.

А. И. Долгова, анализируя преступность террористического характера и определения терроризма, сформулированные отдельными специалистами, заключает: «Терроризм — это совершение общественно опасных, уголовно наказуемых деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений»²⁰. В этой изящной дефиниции все же не учитываются два момента — устрашение и новые реалии: если классический терроризм сопровождается выдвиганием требований, объявлением целей и т.п., то ныне требования могут и не выдвигаться, но как отдельные террористические акты, так и их совокупность направлены именно на создание атмосферы страха, неуверенности, разрушения привычного образа жизни и т.п. А. И. Долгова подчеркивает, что понятие терроризма гораздо шире понятия преступности террористического характера, а террористическую деятельность определяет в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (ст. 3)²¹.

В комментариях к ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ, как правило, при разъяснении понятий терроризма, террористического акта, террористической деятельности ссылаются на соответствующие положения международно-правовых актов и федеральных законов, регулирующих меры противодействия этим явлениям и действиям, а иногда ограничиваются только анализом признаков составов преступлений, за которые предусмотрены ответственность в этих статьях²².

¹⁹ См.: Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 354—355.

²⁰ Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 597.

²¹ Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 599, 607—608.

²² См., например: Дубовик О. Л. Комментарий к ст. 205—227, 246—262 и вводные замечания к гл. 24 и 26 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. М. : Городец, 2010. С. 631—637 ; Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судеб-

В учебной литературе высказаны несколько иные мнения. Так, в Полном курсе уголовного права «под терроризмом в широком смысле слова как социальным явлением следует понимать применение насилия со стороны отдельных лиц или групп людей по устранению населения либо отдельных специальных лиц, созданию социально-психологической атмосферы страха в целях оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов»²³. Террористический акт как наиболее распространенная форма терроризма понимается в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» и Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма. Аналогично разъясняется и понятие террористической деятельности²⁴.

А. В. Наумов использует понятие «террористические действия», то есть индивидуальные или коллективные действия, совершенные с целью существенно нарушить общественный порядок путем устрашения или террора. Понятие террористической деятельности и террористического акта он также рассматривает в рамках уголовно-правовых запретов УК РФ²⁵.

В общем, примеры определений, данных специалистами в области уголовного права и криминологии, можно продолжить²⁶, но и сказанного достаточно для понимания сути терроризма и его разновидностей — терроризма экологического.

Виды экологического терроризма. Существует множество классификаций терроризма. В одной из них используется критерий субъекта, которым могут быть государство, его высшие или местные органы, его воинские части и карательные учреждения, правоохранитель-

ные органы, партии (движения) и их боевые звенья, партизанские формирования, отдельные группы, в том числе тайные общества, создаваемые собственными силами или государством, отдельные лица. По этому критерию выделяют политический, государственный, религиозный, корыстный, «криминальный», националистический, «идеалистический», межгосударственный терроризм, а также внутренний терроризм, который может быть осуществлен двумя субъектами: собственным государством против своего народа и внутренними террористическими организациями и отдельными лицами против своих политических и экономических конкурентов²⁷.

Приведенная классификация наглядно показывает сложность взаимосвязей между эколого-правовыми конфликтами и экологическим терроризмом, хотя последний в ней в качестве самостоятельного вида и не выделен. Иными словами, эколого-правовой конфликт может завершиться любым (или почти любым) видом терроризма либо послужить начальной точкой, наряду с иными факторами.

В литературе по вопросам экологического права поисками критериев классификации пока никто не занимался, это поле деятельности специалистов в области уголовного права и криминологов. Именно они предложили две модели классификации экологического терроризма. Первая основана на способах и средствах, используемых при совершении террористических актов, с учетом объектов, подвергшихся нападению.

По этому критерию выделяют *ядерный* (радиологический), *химический* и *биологический* (бактериологический) терроризм²⁸. Д. И. Тисленко считает, что данные типы терроризма

ная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева, отв. ред. А. В. Галахова. М. : Городец, 2009. С. 476—489 ; *Кочои С. М.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Wolters Kluwer, 2011. С. 531—542.

²³ Полный курс уголовного права : в 5 т. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2008. Т. 4. Преступления против общественной безопасности. С. 43.

²⁴ См.: Полный курс уголовного права. С. 43—78.

²⁵ См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право : курс лекций: в 3 т. 5-е изд. М. : Wolters Kluwer, 2007. Т. 3 : Особенная часть (главы XI — XXI). С. 26—38.

²⁶ См.: Уголовное право. Библиография (1985—2006 годы) / под ред. А. Э. Жалинского ; сост. О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский, Ю. Г. Бабаева, Н. А. Ленчина. 2-е изд. М. : Городец, 2007. С. 452—472, 713—719.

²⁷ См.: *Антоян Ю. М.* Указ. соч. С. 358—360.

²⁸ См.: *Малофеев В. И., Малофеев И. В.* Экологический терроризм и его социальные последствия // Отечественный журнал социальной работы. 2002. № 1. С. 31—34 ; *Морозов В. И., Пушкарев В. Г.* Указ. соч. С. 123 ; *Яминева Ю. Б., Хвощев К. Е.* Современный мир: возрастание угроз экологического терроризма // Кафедра политологии Южно-Уральского гос. ун-та. URL: <http://www.polit.susu.ac.ru/enviroterrorism.shtml>.

следует расценивать как частные случаи эко-терроризма, и указывает на недостатки предложенной классификации:

- а) возможны ядерные (радиологические), химические и биологические (бактериологические) теракты, не опасные для окружающей среды;
- б) не исключены экологические теракты, не являющиеся ядерными (радиологическими), химическими и биологическими (бактериологическими), например поджог террористами имеющего серьезное рекреационное значение лесного массива, находящегося в пределах особо охраняемых природных территорий;
- в) эта классификация является неполной ввиду отсутствия критерия объекта уголовно-правовой охраны, а поэтому не может лежать в основе криминализации экологического терроризма.

Далее Д. И. Тисленко анализирует классификацию, предложенную Э. Чалески и Т. Шеффилдом, по которой выделены две группы террористических актов, совершаемых: а) с использованием опасных для окружающей среды средств (веществ, оружия, отходов и пр.); б) в отношении опасных для окружающей среды объектов. Недостатком этой классификации, по мнению Д. И. Тисленко, является то, что не учтены возможности совершения экологических терактов без использования экологически опасных средств и в отношении объектов, не относящихся к экологически опасным. Он вновь обращается к примеру поджога леса и приводит еще один пример — уничтожение большого количества животных, занесенных в Красную книгу. Критика справедлива, примеры не совсем убедительны.

Д. И. Тисленко предлагает использовать иной критерий — подвергающиеся террористическому воздействию составляющие окружающей среды. Используя данный критерий, он выделяет:

- а) теракты, посягающие на компоненты естественной природной среды и не затрагивающие среду обитания человека, например уничтожение (или угроза уничтожения) ареала обитания редких видов животных

с устрашением населения, для которого такие животные имеют рекреационное или культурное значение, путем сообщения об этом в СМИ и выдвижения требований к правительству;

- б) теракты, происходящие непосредственно в среде обитания человека (примером Д. И. Тисленко считает распыление зарина в токийском метро в 1995 г.)²⁹.

Приходится сказать, что эта классификация с эколого-правовой точки зрения как минимум весьма далека от совершенства. Вторая группа вряд ли может быть вообще отнесена к виду экологических террористических актов, поскольку вред причиняется жизни и здоровью людей, а не окружающей среде. Кроме того, сегодня очень сложно, если вообще возможно, разделить окружающую среду и среду обитания человека. Эти вопросы детально обсуждаются в науке экологического права: речь идет о разной степени антропогенизированной и многом другом.

Не претендуя на решение вопроса о классификации экологического терроризма, все же выскажу ряд соображений. В качестве критериев, безусловно, следует иметь в виду характеристики объекта в эколого-правовом, а не в уголовно-правовом значении этого слова, в отношении которого совершается террористический акт. Им может стать не окружающая среда в целом (разве что в случае использования атомного оружия, причем очень массивно, поскольку ужасный опыт Хиросимы и Нагасаки или аварий Чернобыля и Фукусимы свидетельствует об обратном (вряд ли у террористов найдется столько атомных или водородных бомб)), но один или несколько природных объектов или природных ресурсов, ограниченных пространственными параметрами (даже учитывая эффект трансграничного переноса загрязняющих или радиоактивных веществ). Далее надо принять во внимание значение объекта как условия жизнедеятельности людей. Терроризм направлен на устрашение, и страх, атмосфера боязни могут возникнуть только в том случае, когда люди будут лишены (могут быть лишены) доступа к источнику существования — к пресной воде в первую очередь, затем — к средствам

См. также указанные ранее работы Г. Т. Аллисона, Ю. А. Бобылова, Д. А. Корецкого, В. С. Овчинского, а также вышедшую под ред. А. Г. Арбатова книгу «Противодействие биотерроризму: политические, технологические и правовые аспекты» (М.: Росспэн, 2008. 108 с.), которые посвящены анализу отдельных видов экотерроризма.

²⁹ См.: Тисленко Д. И. Указ. соч. С. 122—125.

производства продуктов питания (из-за отравления сельскохозяйственных угодий, уничтожения леса, изменения водостоков и пр.), затем — к источникам, из которых они черпают энергию для обогрева жилищ, производства одежды, коммуникации и т.д. И конечно, имеет значение покушение на «святое» — природные объекты, имеющие особое значение как культурная ценность, религиозная святыня, место паломничества, символ традиций и обычая и т.п. Этот ряд можно продолжать до бесконечности, включая редких и исчезающих животных, охраняемых СИТЕС и красными книгами, или коров — священных животных для многих миллионов приверженцев индуизма.

Во всех предлагаемых классификациях не учитывается субъективный фактор. Выше уже говорилось, что террористический акт характеризуется обязательно наличием специальной цели — воздействовать на принятие решения. Применительно к экологическому терроризму особое значение приобретают цели, не обозначенные в уголовно-правовом запрете, но являющиеся неотъемлемым звеном механизма преступного поведения, включая мотивацию и принятие преступником решения о совершении террористического акта или об участии (в той или иной форме) в террористической деятельности. Да, главная цель — оказать воздействие, но она проистекает, формируется из целого конгломерата подчиненных ей целей и мотивов (места, стремления приобрести экономические выгоды, обеспечить доступ к природным ресурсам, завладеть ими, лишить те или иные социальные или этнические группы источников существования, доходов, работы, места проживания, возможности вести привычный либо традиционный образ жизни, в том числе осуществлять хозяйственное использование (добычу древесины, производство сельхозпродукции, сбор и выращивание растений, используемых в фармацевтике, и многого другого)). Среди таких «подчиненных», «скрытых» целей могут находиться и цели подрыва национального суверенитета государства, его экономики (что, увы, доказано событиями на Ближнем Востоке).

Далее, для классификации экологического терроризма следует учитывать критерий субъек-

екта, который удачно использовал Ю. М. Антонян, а также критерий *последствий*, оцениваемых не только в уголовно-правовом смысле — как признак объективной стороны состава преступления, наказуемого по ст. 205 УК РФ, но и в экологическом контексте — как последствия именно для состояния и качества окружающей среды, ее компонентов и природных объектов, то есть как вред, причиненный окружающей среде и экологическим правам и интересам граждан. Безусловно, следует использовать и критерии, предложенные рядом авторов, то есть способ совершения акта экологического терроризма и признак опасности объекта (как объекта производственной деятельности).

Построение классификации с использованием названных и, скорее всего, дополнительных критериев представляет собой самостоятельную научную задачу. Надо надеяться, что специалисты в области экологического и уголовного права, криминологии решат ее.

При построении такой классификации могут пригодиться и данные о конфликтах, породивших террористическую деятельность или порожденных ею. В самом деле, объект (предмет) преступного посягательства — это объект (предмет) конфликта, который мог быть таковым уже долгое время (достаточно вспомнить о накопившихся десятилетиями, если не веками, спорах по поводу права собственности на землю³⁰, о конфликтах в связи с торговлей (и незаконной торговлей) окружающей средой³¹, да и о современных конфликтах по поводу квот на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух, торговли ими, выполнения обязательств в области охраны климата и о многом другом).

Здесь следует обсудить и возможность выделения особой группы экологических террористических актов, для которых пока трудно подобрать обобщающее название и показатели. Речь идет о так называемом *климатическом терроризме*. М. Бирн считает, что это едва ли не единственная категория деяний, на которые возможно распространение уголовной ответственности. Такого рода деяния могут быть совершены некоторыми государствами и террористическими группами, которые способны уничтожать леса, открывать огонь по нефтяным

³⁰ См.: *Крассов О. И.* Земельное право в странах Африки. М. : Норма, 2016 ; *Он же.* Право собственности на землю в странах Европы. М. : Норма, 2014.

³¹ См.: *Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик.* М. : Городец, 2010.

резервуарам, выводить из строя хранилище углекислого газа, опасных химических и радиоактивных отходов либо угрожать подобными действиями для достижения политических, военных или религиозных целей, *прямо* не относящихся к изменениям климата. Еще в 2002 г. была выдвинута идея (при разработке Конвенции о противодействии терроризму) о том, что климатический терроризм имеет место, если лицо причиняет серьезный вред окружающей среде, когда целью его действия является запугивание (устрашение) населения или принуждение государства либо международной организации к совершению определенного действия или отказу от его совершения. Климатический терроризм может быть учтен и в уже существующих международно-правовых актах. Например, по мнению М. Бирна, ст. 2 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом следует дополнить таким положением: «(с) с намерением выпустить парниковые газы в атмосферу» — или более общим образом: «(с) с намерением причинить широкомасштабный, долгосрочный и существенный вред окружающей природной среде»³². Проще, отмечает М. Бирн, ввести эти поправки в дополнительный протокол или в новый договор, регулирующий только вопросы климатического или экологического терроризма.

Может быть, сто́ит обсудить вопрос о водном, фаунистическом и ином терроризме? Хотя вряд ли. Но идея выделения климатического терроризма заслуживает поддержки. Кроме того, значимо указание М. Бирна на такие признаки, как широкомасштабность, долговременность и существенность вреда окружающей среде. Их необходимо учесть при разработке классификации экологического терроризма.

Криминологическая характеристика экологического терроризма. Она выглядит

весьма ограниченной: статистика этого вида преступлений не ведется, специальных исследований и в нашей стране, и за рубежом почти не проводилось (в отношении личности, причин, состояний и динамики этой группы преступлений). В первую очередь потому, что их, по счастью, до сего времени было крайне мало. Естественно, данные о совершении преступлений террористического характера фиксируются и отражаются в аналитических документах и научной литературе. Применительно к актам экологического терроризма приходится полагаться в основном на описание конкретных случаев, результаты анкетирования и интервьюирования для выяснения общественного мнения, результаты контент-анализа материалов СМИ. Данные о деяниях, представляющих собой экологический экстремизм, тоже далеко не полны и распылены по разным источникам. В фундаментальных трудах дается, например, статистика состояния, структуры и динамики преступлений террористического характера³³ за ограниченный период времени и, конечно, без разбивки на виды либо предлагаются таблицы, отражающие некоторые значимые теракты в России (1991—2011 гг.)³⁴. Правда, Э. М. Гузик-Макарук сформировала таблицу, содержащую указания на дату и место, название организации, ответственной за экотеракт и террористические действия, совершенные на территории США³⁵, в том числе за рассылку писем, содержащих возбудители опасных болезней.

Упрекать исследователей, безусловно, нельзя, поэтому криминологическая характеристика экотерроризма и экоэкстремизма должна основываться на результатах контент-анализа материалов СМИ и Интернета, анкетирования и интервьюирования, изучения отдельных случаев³⁶.

Проблема разграничения экологического терроризма с иными преступлениями. Такое

³² Byrne M. Climate crime: Can responsibility for climate change damage be criminalized? // Carbon and Climate Law Review. В., 2010. Vol. 4. № 3. P. 280.

На русском языке см. реферат на эту статью: *Нагорная И. И.* Климатические преступления: можно ли установить уголовную ответственность за ущерб, причиненный изменениями климата? // Модернизация законодательства Европейского союза об охране климата и энергосбережении : сб. науч. трудов / отв. ред. О. Л. Дубовик, Е. А. Алферова. М. : ИГП РАН, ИНИОН РАН, 2014. С. 131.

³³ См.: Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. С. 602, 604—605 ; Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 363.

³⁴ См.: *Лунеев В. В.* Указ. соч. С. 169—171.

³⁵ См.: *Гузик-Макарук Э. М.* Указ. соч. С. 74.

³⁶ Это удачно осуществлено в диссертационной работе и монографии Д. И. Тисленко (См.: *Тисленко Д. И.* Экологический терроризм. С. 4—5, 41, 43—53, 63—65, 75—101, 104, 112, 116—119), хотя не всегда ана-

разграничение можно проводить по различным критериям: с учетом целей и мотивов преступного поведения, наличия или отсутствия признака насилия (угрозы насилия), квалифицирующих признаков, признаков, характеризующих субъекта деяния, а также с учетом соотношения общих и специальных составов.

Экологический теракт следует отличать от преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных ст. 357 «Геноцид», ст. 358 «Экоцид», ст. 355 «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения», ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» УК РФ, в первую очередь по цели, которая в случае террористического акта заключается в воздействии на принятие решения органами власти или международными организациями. Хотя, если принять во внимание идею государственного терроризма, эта цель уже не столь однозначно характеризует лишь террористический акт. Но по действующему УК РФ это замечание носит чисто умозрительный характер. Разграничиваются эти преступления и по признаку объекта посягательства. В. Морозов и В. Пушкарев отмечают, что если разработка оружия массового поражения происходит в целях, указанных в ст. 205 УК РФ, то это подготовка к теракту.

Цель является главным критерием разграничения ст. 205 и ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», ст. 248 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами», ст. 250 «Загрязнение вод», ст. 251 «Загрязнение атмосферы», ст. 252 «Загрязнение морской среды», ст. 254 «Порча земли», ст. 259 «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации», ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений»³⁷.

Террористический акт от диверсии, например совершенной путем подрыва железнодорожного полотна и других транспортных коммуникаций, по которым следуют грузы опасных химических или радиоактивных веществ либо отходов, следует отличать как по цели, так и по объекту преступного посягательства: в ст. 281 «Диверсия» в качестве цели указан подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, а объектом выступают основы конституционного строя и безопасность государства, тогда как в случае ст. 205 объектом является общественная безопасность, а целью — принуждение к принятию решения органами власти.

Причины экологического терроризма, экологического экстремизма, эколого-правовых конфликтов: сходство и различия. Причины (или факторы), способствующие совершению террористических актов, экстремистских акций, и причины, порождающие эколого-правовые конфликты, нередко совпадают, поскольку все три указанные вида поведения имеют много общих черт, подпитываются неудовлетворенностью индивидов и социальных (больших или малых) групп, зачастую изначально исходят из того же самого источника, но потом приобретают разные формы, протекают с различной интенсивностью, а главное — завершаются по-разному.

Ю. М. Антонян, оговаривая, что причины терроризма следует различать в зависимости от того, к какому виду принадлежат конкретные преступные действия, выделяет в целом следующие:

- 1) нерешенность социальных, в том числе национальных и религиозных, проблем, но не любых, а особо значимых для данной группы, затрагивающих фундаментальные ценности, традиции и обычаи;
- 2) война и военные конфликты;
- 3) наличие стран или социальных групп, характеризующихся высоким уровнем благосостояния, экономического развития и диктующих свою волю другим странам

лизируемые им случаи можно квалифицировать как акты экологического терроризма, например акцию запрещенной в РФ организации «Аум Синрикё» в токийском метро, обнаружение на свалке в Гоянии (Бразилия) капсулы с цезием-137 из заброшенной онкологической клиники и некоторые другие.

³⁷ См.: Дубовик О. Л. Комментарий к ст. 205—227, 246—262 и вводные замечания к гл. 24 и 26. С. 624—700, 751—817; Она же. Юридическая ответственность за нарушение законодательства об использовании атомной энергии, радиационной безопасности и радиоактивных отходах. М.: Nota bene, 2013. С. 219—230; Она же. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спарк, 1998.

- и социальным группам, находящимся в экономической, политической, военной и иной зависимости, что порождает чувство зависти и ненависти к врагу;
- 4) существование тайных или полутайных обществ и организаций, в частности религиозных и сектантских, цели которых не признаются и отвергаются государственной властью и обществом;
  - 5) давние традиции использования в России терроризма для решения в первую очередь политических задач;
  - 6) нерешенность важных экономических, финансовых и организационных вопросов, в том числе на законодательном уровне, а также конфликты при разделе и переделе собственности.

Далее Ю. М. Антонян выделяет группу условий, способствующих действиям террористов: слабость государственной власти, одобряющее, поддерживающее отношение к террористам со стороны социального окружения, населения, отдельных групп; наличие значительной группы людей, профессионально настроенных на военную службу, но вытесненных с нее и не нашедших себе применения³⁸. Это наблюдение весьма ценно не только для анализа терроризма, но и в более широком контексте, в том числе для исследования других разновидностей насильственного преступного поведения и, конечно, для изучения и противодействия тем экологическим конфликтам, которые достигают наиболее острой фазы, завершаются совершением тяжких преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапов П. В., Михайлов К. В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. — Саратов : Сарат. юр. ин-т МВД России, 2007. — 144 с.
2. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М. : Щит-М, 2001. — 306 с.
3. Арбатов А. Г. Противодействие биотерроризму: политические, технологические и правовые аспекты. — М. : Росспэн, 2008. — 108 с.
4. Аслаханов А. А. Эволюция мирового терроризма. — М., 2003. — 272 с.
5. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. — М. : Ин-т правовых и сравнительных исследований, 2005. — 216 с.
6. Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю. Уголовное преследование терроризма. — М. : Юрайт, 2008. — 160 с.
7. Гаврилин Ю. В., Смирнов Л. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. — М. : ЮИ МВД России; Книжный мир, 2003. — 64 с.
8. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 464 с.
9. Дубовик О. Л. Комментарий к ст. 205—227, 246—262 и вводные замечания к гл. 24 и 26 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. — М. : Городец, 2000. — С. 624—700, 751—817.
10. Дубовик О. Л., Жалинский А. Э. Криминологическая характеристика терроризма в России // The Third Session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era. — Paper Collection. — Beijing, China, 2011. — Pp. 195—203.
11. Жалинский А. Э. Криминологическая характеристика терроризма в России // Национальная безопасность. — 2012. — № 2. — С. 22—29.
12. Жалинский А. Э. Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. — 2011. — Сентябрь. — С. 57—66.
13. Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. — М. : ТК Велби, Проспект, 2005. — 176 с.
14. Краснов М. Политический экстремизм — угроза государственности // Российская юстиция. — 1999. — № 4. — С. 1—6.
15. Малофеев В. И., Малофеев И. В. Экологический терроризм и его социальные последствия // Отечественный журнал социальной работы. — 2002. — № 1. — С. 31—34.

³⁸ См.: Антонян Ю. М. Указ. соч. С. 364—369.

16. Морозов В. И., Пушкарев В. Г. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // Уголовное право. — 2007. — № 2. — С. 122—124.
17. Нагорная И. И. Климатические преступления: можно ли установить уголовную ответственность за ущерб, причиненный изменениями климата? // Модернизация законодательства Европейского Союза об охране климата и энергосбережении : сб. науч. трудов / отв. ред. О. Л. Дубовик, Е. А. Алферова. — М. : ИГП РАН, ИНИОН РАН, 2014. — С. 131—136.
18. Оганесян Э. Понятие экологического терроризма // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности : материалы межвузовской конференции. — Владимир : ВЮИ Минюста России, 2004. — С. 72—76.
19. Тисленко Д. И. Экологический терроризм : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 208 с.
20. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом : Стандарты и практика. — М., 2007—560 с.
21. Устинов В. В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму // Государство и право. — 2002. — № 7. — С. 30—45.
22. Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : Саратов. юр. ин-т МВД России, 2007. — 160 с.
23. Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер ; отв. ред. О. Л. Дубовик. — М. : Городец, 2010. — 352 с.
24. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М. : Центр конфликтологических исследований РАН, 1995. — 316 с.
25. Byrne M. Climate crime: Can responsibility for climate change damage be criminalized? // Carbon and Climate Law Abstract. — В., 2010. — Vol. 4. — № 3. — P. 280.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL-LEGAL PRECONDITIONS OF FIGHT AGAINST ENVIRONMENTAL TERRORISM AND ENVIRONMENTAL EXTREMISM IN RUSSIA

DUBOVIK Olga Leonidovna — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental and Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
ecolaw@igpran.ru
119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, 10

Abstract. *The article highlights topical issues of the emergence of new threats to international and national law and order associated with the potential danger of acts of environmental terrorism and the escalation of long-known acts of environmental extremism. The author introduces approaches reflected in international and national (Russian) law and doctrines concerning the concepts of terrorism, terrorist act, and terrorist activity taking into account their manifestations in relation to a special protected good—the environment (as a basis). Also, the author describes the specifics of acts of terrorism related to the environment and their impact on the adoption of environmentally significant political and legal decisions. The stances of the Russian and Polish legal doctrines regarding danger and qualification of illegal acts are considered.*

Keywords: *Law, convention, conflict, violence, environment, crime, terrorism, terrorist activity, terrorist act, threat, ecology, extremism.*

REFERENCES

1. Agapov P. V., Mikhailov K. V. Ugolovnaya otvetstvennost za sodeystvie terroristicheskoy deyatelnosti: tendentsii sovremennoy ugolovnoy politiki [Criminal responsibility for the terrorist activities facilitation: trends in modern criminal policy]. Saratov. Sarat. Jur. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 144 p.
2. Antonyan Yu. M. Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie [Terrorism. Criminological and criminal-legal research]. Moscow. Shchit-M publ., 2001—306 p.
3. Arbatov A.G. Protivodeystvie bioterrorizmu: politicheskie, tekhnologicheskie i pravovye aspekty [Countering Bioterrorism: political, technological and legal aspects]. Moscow. Rosspan Publ., 2008. 108 p.
4. Aslakhonov A.A. Evolyutsiya mirovogo terrorizma [Evolution of world terrorism]. Moscow, 2003—272 p.
5. Burkovskaya V.A. Kriminalnyy religioznyy ekstremizm v sovremennoy rossii [Criminal religious extremism in modern Russia]. Moscow. In-t pravovykh i sravnitelnykh issledovaniy [Institute of Legal and Comparative Studies], 2005. 216 p.
6. Burkovskaya V.A., Markina E.A., Melnik V.V., Reshetova N. Yu. Ugolovnoe presledovanie terrorizma [Criminal prosecution of terrorism]. Moscow. Yurayt publ., 2008. 160 p.
7. Gavrilin Yu. V., Smirnov L.V. Sovremenniy terrorizm: sushchnost, tipologiya, problemy protivodeystviya [Modern terrorism: The essence, typology, problems of counteraction]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russia, Knizhnyi mir Publ., 2003. p.
8. Dikayev S.U. Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo kharaktera (kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie) [Terror, terrorism and crimes of a terrorist nature (criminological and criminally-legal research)]. St. Petersburg. Yuridicheskii tsentr-Press Publ., 2006. 464 p.
9. Dubovik O.L. Kommentariy k st. 205—227, 246—262 i vvodnye zamechaniya k gl. 24 i 26 [Commentary to art. 205—227, 246—262 and introductory remarks to Ch. 24 and 26]. Kommentariy k ugolovnomu kodeksu rOssiyskoy Federatsii [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. A.E. Zhalinsky (ed.). Moscow. Gorodets Publ., 2000. P. 624—700, 751—817.
10. Dubovik O.L., Zhalinsky A.E. Kriminologicheskaya kharakteristika terrorizma v Rossii [Criminological Characteristics of Terrorism in Russia]. The Third Session of the International Forum on Crime and Criminal Law in the Global Era. — Paper Collection. — Beijing. China, 2011. — Pp. 195—203.
11. Zhalinsky A.E. Kriminologicheskaya kharakteristika terrorizma v Rossii [Criminological Characteristics of Terrorism in Russia]. Natsionalnaya bezopasnost [National Security]. 2012. No. 2. P. 22—29.
12. Zhalinsky A.E. Ugolovno-pravovye transnatsionalnye konflikty v sfere ekonomiki [Criminal-legal transnational conflicts in the field of economy]. *Zakon [The Law]*. 2011. Sept. P. 57—66.
13. Kochoi S. M. Eerrorizm i ekstremizm: ugolovno-pravovaya kharakteristika [Terrorism and Extremism: criminal law characteristic]. Moscow. TK VELBI, Prospect Publ., 2005. 176 p.
14. Krasnov M. Politicheskii ekstremizm — ugroza gosudarstvennosti [Political extremism—a threat to the statehood]. *Rossiiskaya Yustitsiya*. 1999. No. 4. P. 1—6.
15. Malofeev V.I., Malofeev I.V. Ekologicheskii terrorizm i ego sotsialnye posledstviya [Environmental terrorism and its social consequences]. *Otechestvennyy zhurnal sotsialnoy raboty*. 2002. No. 1. P. 31—34.
16. Morozov V.I., Pushkarev V. G. Ekologicheskii terrorizm: ponyatie, sushchnost, kvalifikatsiya xEnvironmental terrorism: A Concept, Essence, Qualification]. *Ugolovnoe pravo*. 2007. No. 2. P. 122—124.
17. Nagornaya I.I. Klimaticheskie prestupleniya: mozno li ustanovit ugolovnyuyu otvetstvennost za ushcherb, prichinennyi izmeneniyami klimata? [Climate crimes: Is it possible to establish criminal liability for damage caused by climate change?]. Modernizatsiya zakonodatelstva evropeyskogo soyuza ob okhrane klimata i energosberezhenii : sb. nauch. trudov [Modernization of EU legislation on climate protection and energy conservation: col. of sci. works]. O.L. Dubovik, E. A. Alferov (eds). Moscow. IGP RAS, INION RAS Publ., 2014. P. 131—136.
18. Oganessian E. Ponyatie ekologicheskogo terrorizma [The concept of environmental terrorism]. Aktualnye problemy pravookhranitelnoy deyatelnosti : materialy mezhvuzovskoy konferentsii [Actual problems of law enforcement: Proceedings of of the Interuniversity Conference. Vladimir. VYul of the Ministry of Justice of Russia, 2004. P. 72—76.
19. Tislenko D.I. Ekologicheskii terrorizm : monografiya [Environmental terrorism : monograph]. Moscow. Yurlitinform Publ., 2013. 208 p.

20. Ustinov V.V. *Mezhdunarodnyy opyt borby s terrorizmom : standarty i praktika* [International experience in the fight against terrorism: Standards and practice]. Moscow., 2007. 560 p.
21. Ustinov V.V. *Pravovoe regulirovanie i mekhanizmy protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu* [The Legal Regulation and Mechanisms of counteraction to terrorism and extremism]. *Gosudarstvo i pravo*. 2002. No. 7. P. 30—45.
22. Khlebushkin A.G. *Ekstrimizm: ugovovno-pravovoy i ugovovno-politicheskiy analiz* [Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis]. O.N. Lopashenko (ed.). Saratov. Sarat. Jur. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 160 p.
23. *Ekologicheskaya prestupnost v evrope* [Ecological crime in Europe]. F. Comte, L. Kremer, O.L. Dubovik (ed.). Moscow. Gorodets Publ., 2010. 352 p.
24. *Yuridicheskaya konfliktologiya* [Legal conflictology]. V. N. Kudryavtsev (ed.). Moscow. Tsentr konfliktologicheskikh issledovaniy RAN [Center for Conflict Studies of the Russian Academy of Sciences], 1995. 316 p.
25. Byrne M. Climate crime: Can responsibility for climate change damage be criminalized? *Carbon and climate law review*. B., 2010. Vol. 4. No. 3. P. 280.